

в «Мастере и Маргарите» и сейчас, много лет спустя, прочитывается как «булгаковская». Куприн четко, по календарю, обозначает начало и конец событий своего рассказа: они начинаются 23 апреля (в переработанном варианте рассказа — 26 апреля), а через несколько дней после их окончания наступает 1 мая, то есть на все кругом-бегом отводится два-три дня, а может быть — и всего один. Но если судить по ходу событий, по их насыщенной последовательности, они не могли реально уложиться меньше, чем в год-полтора, и время рассказа приобретает двойной облик. Оно течет по календарю и увязано с христианскими праздниками (что естественно для героя, подрабатывающего пением в церковном хоре) — и вместе с тем сжато в краткий миг сатанинскими ухищрениями.

Подобная же игра ведется в «Каждом желании» с пространством. Автор сразу же объявляет, что действие его рассказа протекает «в маленьком губернском городе», а потом, нагнетая подробности, разрушает заданный образ «маленького города». Этот город в начале нашего века располагает театром оперетты и цирком (насколько можно понять, не шапито, а стационаром), биржей, железнодорожным вокзалом, беговым полем, аэродромом и трамваем — где уж там «маленький»! Ряд реалий конкретизируют город, делают его узнаваемым: Житный базар, Караваевы дачи, находящийся где-то в окрестностях хутор Червоное, «небольшой старинный облицованный особняк в нагорной, самой аристократической части города, утопавшей в липовых аллеях и садах», прямо указывающий на Липки, — все это, несомненно, приметы Киева, хорошо знакомого Куприну. Если Московская и Дворянская улицы могли быть, в принципе, в любом губернском городе, хотя бы и «маленьком», то Александровская улица, с бегущим по ней сверху трамваем, — киевская реалья, к тому же резко подчеркнутая: Александровская улица была первым трамвайным маршрутом в Киеве — и во всей тогдашней Российской империи, и кому, как не Куприну, жившему как раз на Александровской улице, было и знать об этом. Но, намекнув на киевские адреса событий, Куприн тут же разрушает отождествление места действия с Киевом: отправляясь в Черниговскую губернию, Цвет проводит в поезде «две ночи», в то время, как настоящая Черниговская губерния начиналась на другом берегу

реки — только мост перейти — и, отправившись из Киева по железной дороге, можно было пересечь ее из конца в конец часов за восемь-десять.

Сходным, хотя, конечно, не совпадающим образом строится киевское пространство в романе Булгакова «Белая гвардия»: место действия везде обозначено как «город» (в речи персонажей) и «Город» — в авторской речи; название «Киев» встречается только в цитированных документах — в чужой и заведомо чуждой речи; в поток киевских реалий включены и вымышленные — например, названия улиц, которых в Киеве нет и никогда не было.

Параллельность «трамвайных» эпизодов — гибель под колесами трамвая пожилой дамы в «Каждом желании» и Берлиоза в «Мастере и Маргарите» — наводит на размышление. В романе Булгакова это событие происходит на Патриарших прудах, представляющих собою, говоря обобщенно, огромный прямоугольник озера и сквера, заключенных в каре городской застройки. По одной из многочисленных улочек, пересекающих это каре, в прямоугольник площади вбегает трамвай и, сделав поворот, налетает на обреченного Берлиоза. Это происходит в нескольких сотнях метров от жилья Булгакова на Садовой...

В соответствующем эпизоде у Куприна, напомним, «на Александровской улице, сверху, бежал трамвай», и катастрофа случилась, когда «описав кривую, он уже приближался к углу Бульварной». Если Александровская улица купринского рассказа отождествима с одноименной киевской улицей (а это представляется очевидностью), то трамвай, спустившись, поворачивает на Контрактную площадь. Эта площадь (даже странно как-то писать!) представляет собою огромный прямоугольник гостиного двора и прилегающего к нему сквера, заключенный в каре городской застройки. По одной из многочисленных улочек, пересекающих это каре, и вбегает на площадь трамвай. И находится это место на расстоянии нескольких сот метров от жилья Булгаковых на Андреевском спуске... Это был, если воспользоваться современным выражением, булгаковский «микрорайон»...

Одним словом, прочитав «Каждое желание» как «киевский рассказ» и правильно представляя себе его киевскую топографию, Булгаков перенес из него эпизод трамвайной катастрофы в подобное (топологически конгруэнтное) московское